

**ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ**

**ОЛЬГА
ЩЕРСТОБИТОВА**

NEVESTA
**НЕВЕСТА
ДЛЯ СНЕЖНОГО
ВОЛКА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш50

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*
Иллюстрация на обложке — *Жанна Михайлова*
Иллюстрации во внутреннем оформлении —
Могі (Анастасия Карлаи)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Шерстобитова, Ольга Сергеевна.

Ш50 Невеста для снежного волка : [роман] / Ольга Шерстобитова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Звезды романтического фэнтези).

ISBN 978-5-17-186325-8

Нет ничего страшнее в наших краях, чем разбушевавшаяся метель. Разве что старые сказки о чудовищах-волках, которым когда-то отдавали невест. Но кто мог подумать, что эти истории станут реальностью? Оказавшись на краю гибели, мне придется заключить сделку с богиней и шагнуть.. в метель. Шагнуть, чтобы встретиться с вожакom снежных волков. Тем, кого я считала выдумкой, кто опасен до дрожи и... так нуждается в моей помощи! Что ждет меня рядом с ним, когда нас связали обстоятельства? Погибель от ледяного проклятья? Или самая невероятная на свете любовь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186325-8

© О. Шерстобитова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ГЛАВА 1

Злата Романова

Морозный воздух обжигал щеки, а пронзительный ветер норовил забраться под теплый плащ, но уходить с берега реки, где лед сходился с заснеженным лесом, я не спешила. Внутри плескалась неуместная тревога, и справиться с ней не получалось. Завтра многое для меня изменится, и моя жизнь пойдет по чужой, заранее предопределенной дороге.

Утром я вступлю в права наследования и помимо приданого получу дом, где сейчас живу с двумя младшими сестрами, и треть денег, оставленных занимавшимися торговлей родителями. Сумма весьма внушительная, и к весне от женихов ни у меня, ни у сестер отбоя не будет. Но все это ничуть не радует.

Люди говорят, время лечит. Может, и правда. Прошел целый год, как от укуса ядовитой змеи умерла мама, а через шесть месяцев следом за ней ушел папа, чье сердце не выдержало потери. И пусть уже нет прежней боли, осталась лишь светлая грусть, но я все равно по ним скучаю.

Зачем мне богатое наследство? Я бы каждую монетку из него отдала, каждый драгоценный камень, только бы они оба были живы.

Коснувшись пальцами шершавого ствола ели, поглубже вдохнула. Отец, впервые приведя меня сюда, в наше заповедное место, которое не показывал никому другому, говорил, что здесь особый воздух, пахнувший тайной и свободой. А еще порой появляется волшебная тропинка. Стоит пойти по ней, и судьба твоя бесповоротно изменится.

Я улыбнулась, вспоминая, как в детстве бесконечно верила в эту сказку, но теперь и она растаяла, словно снежинки на ресницах, и тайна места давно исчезла, и свобода стала больше похожа на одиночество.

Знаю же, что всем женихам, что придут свататься, не я буду нужна, а мое богатое приданое. Сестры относятся к этому спокойно, готовы просто выбрать подходящую партию, а мне замуж хочется по любви. Чтобы жили мы, как папа с мамой, душа в душу до самой смерти, и глаза светились от счастья.

Случайно обмолвившись об этой мечте сестрам, я тут же пожалела — они скривились, покрутили пальцем у виска, а после, едва выдавался подходящий момент, осыпали насмешками. Впрочем, я не ожидала от них иного.

Мы никогда не ладили. Слишком разные, слишком разного хотим. Раньше, когда были живы родители, они сглаживали наши ссоры, но теперь ничто их не сдерживает. Мы с сестрами за несколько месяцев окончательно стали не просто чужими людьми,

но и неприятными друг другу. Наверное, оно и к лучшему, что наши пути вскоре разойдутся.

Я встряхнула головой, отпуская свою грусть, как делала это уже не раз, — мама и папа учили меня никогда не вешать нос, искать выход даже из самой, казалось бы, неразрешимой ситуации и с надеждой смотреть вперед.

Справлюсь! Со всем, что будет, справлюсь!

Поправила прядь волос, выбившуюся из-под шапки, стряхнула с рукава снежинки и бросила взгляд через мост. В деревне уже зажигались такие уютные и манящие огни, но уходить отсюда, где лес будто замер в снежном кружеве рядом с уснувшей до весны рекой, где так легко дышалось и исчезали печальные мысли, совсем не хотелось. Однако наползающие сумерки заполняли пространство тенью, а не дело это, гулять здесь с наступлением ночи. Слишком опасно. Можно замерзнуть, заблудиться, встретить волков... Я и так рисковала, выбравшись сюда сегодня. Но слишком уж невыносимо было оставаться в доме, где стены будто давили, а сестры предвкушали окончательную свободу после получения наследства.

Желая растянуть прогулку, я направилась к мосту кратчайшим путем, не тем, которым шла сюда. Ловко обходя кочки, наткнулась на поваленные прямо посреди тропы деревья. От старости рухнули? Или метель свалила? Впрочем, какая разница, обойти их все равно не получится. Слева была не так давно замерзшая река, справа — густой ельник,

вот и вынуждена была свернуть на прежнюю тропу, уходящую в лес, а затем выводящую к мосту.

Уже совсем стемнело, когда я оказалась среди сосен и с облегчением выдохнула. Ничего, из-за размашистых лап деревьев вскоре покажутся деревенские огни.

За спиной раздались чьи-то шаги, и я замерла. Дикая зверь? Слишком уж осторожно он крадется. Да и скрип по снегу точь-в-точь, как у новых сапог Агриппины, одной из моих младших сестер.

Обернуться не успела — резкая обжигающая боль расплылась по затылку. Мир накренился, закружился, и, не устояв на ногах, я упала на снег и осыпавшуюся хвою. Сознание стало ускользать, перед глазами все налилось темнотой, когда внезапно услышала тихий довольный голос Маланьи, второй моей сестры:

— Получилось!

Впрочем, наверное, все же показалось. Не могли они так со мной поступить. Не могли переступить грань..

Это была последняя мысль, следом за ней накатилась тьма, не оставившая в себе места ни для чего.

Ильгар Белый

Стоя на краю скалистого обрыва, смотрел, как внизу бескрайним морем раскинулись темно-зеленые, казавшиеся отсюда почти черными, сосны, укрытые снегом. Над ними нависали тяжелые серые облака, несущие с собой скорую сильную метель.

Она все четче ощущалась в воздухе, но мало меня волновала. Сердце так разрывалось от боли и бессилия, что порой темнело в глазах.

Я до последнего надеялся, что отряд охотников что-то просто задержало в лесу. Может, они дальше, чем планировали, ушли по следу за добычей, может, столкнулись с одной из старых забытых людских ловушек, напичканных магией, и именно это перебивало зов, не давая им откликнуться. Я верил в это почти двое суток, пока возглавлял поиски волков, пытаясь найти следы и причину, почему они вдруг исчезли, и лишь потом отправился в пещеру, где жило ледяное проклятие. И нашел их там. Всю дюжину оборотней, запертых в смертельный лед.

Стиснул пальцы, не давая себе выпустить ни ярость зверя, ни отчаяние, ни боль, что бились внутри. Я не имел на это права. Потому что я — вожак и обязан быть сильнее остальных оборотней и беречь свою стаю, пусть последнее получается не так хорошо, как хотелось бы. Но чего уж точно я был лишен, так это возможности сдаться. Даже сейчас, когда в ледяной тьме вместе с волками остались сильнейшие, те, кому не страшны были лютые звери и безжалостные люди.

Пытаясь погасить вновь нахлынувшие эмоции, я сделал несколько глубоких, обжигающих горло вдохов. Сорваться бы на бег, помчаться через лес наперегонки с ветром, чтобы хотя бы так выплеснуть то, что сжигает изнутри, но даже это я не мог себе позволить. Быть вожаком — не просто дер-

жать власть, но и нести ответственность за тех, кто доверил тебе свои жизни. Это — сообщать моему народу самые ужасные новости, видеть боль в глазах тех, кто потерял близких, чувствовать ужас, бегущий в крови остальных. Переживать это вместе с ними и оставаться нерушимой опорой.

Внезапно совсем рядом, за стеной заснеженных елей, раздался волчий вой, а через миг на заметенную снегом скалу выпрыгнул бело-серый волк, обращившись человеком.

Ахгар, один из оборотней моего ближнего круга.

Он шагнул ко мне, и порыв ледяного ветра растрепал его волосы, собранные в низкий хвост. Тулуп был накинута наспех, почти не застегнут. Ахгар явно торопился, искал меня, чтобы сообщить, что в той части леса, которую он обследовал в поисках охотников, никого нет.

— Ильгар...

— Они попали под ледяное проклятие, — выдохнул я, опережая его доклад.

Сказал ровно, хотя внутри по-прежнему накрывало болью и бессилием.

Ахгар подался назад, будто от удара. Выдохнул, сжал кулаки, и на его руках выступили звериные когти. Какое-то время я молчал, давая ему возможность принять очередную ужасную новость.

— Ты как? — неожиданно спросил он, и голос сорвался.

Медленно повернув к нему голову, тихо вздохнул. Что я мог ему ответить?

— Почему не позвал? Ты не обязан переживать весь этот ужас и отчаяние в одиночку! — порывисто, как и свойственно волку, выпалил он.

— Вы все равно ничем не сможете помочь.

Кто, кроме меня, может справиться с тем, что творится в моей душе? Кто может взвалить на себя такую ношу? А быть сильным я обязан и для ближнего круга. Для них я тоже опора.

— Жениться бы тебе! — выпалил Ахгар, так резко сменив тему, что я вновь оторвал взгляд с заснеженного леса и уставился на него. — И не сверкай так грозно глазами, вожак! Любой в стае знает: как только оборотень встретит свою пару, его ноша, какой бы тяжелой ни была, станет легче. Просто потому, что ее будет с кем разделить.

— Вот только женщины мне в моей жизни и не хватало, — не удержался я. — Еще и ее стоит подвергнуть опасности?

— Тебе будет с кем эту опасность пройти, ради кого станет биться сердце, — упрямо продолжал Ахгар.

— Твоя вера в это просто поразительна. — Я покачал головой.

Все в стае знали, что Ахгар давно отдал свое сердце Лоре, а та, полгода назад перейдя в нашу стаю из-за непростых обстоятельств, не отвечает взаимностью, не может оттаять.

— Ты достоин счастья, Ильгар. А теперь, когда на тебя столько всего разом свалилось, это просто необходимо.

— Ты говоришь так, будто я против встретить свою единственную, — мой голос наконец дрогнул, выдав скрытую тоску, что я давил в себе годами. — Ты же знаешь, я не откажусь от нее. Даже сейчас. Только было бы это так просто.

Я знал, о чем говорил. Свою истинную половинку оборотни порой годами ждали. Не все решались на такой шаг, многие влюблялись, создавали семью и жили не менее счастливо. Но я не мог иначе. Если уж делить свою жизнь с женщиной, то с такой, кому и я, и моя звериная суть, и мое сердце будут принадлежать целиком и полностью. Без оговорок. Без права повернуть назад. Без возможности иного выбора.

В этом вопросе я оказался столь же категоричен, как когда-то мой отец, встретивший свою истинную пару, мою маму, когда уже стал бывалым воином. И, видя их чувства, пылающие, как негасимый огонь, отражающиеся в каждом прикосновении, в каждом взгляде, я не мог желать чего-то меньшего для себя.

— Надо возвращаться, — резко оборвал столь несвоевременные мысли.

Мы обернулись и сорвались на бег через заснеженный лес, спеша к поселению оборотней. Мне предстояло оповестить стаю о случившемся, а потом отправиться в заснеженную чащу, чтобы еще раз попытаться достучаться до той, кто единственная могла помочь с ледяным проклятием. И хорошо бы успеть до метели, которую несли низкие тяжелые тучи.

ГЛАВА 2

Злата Романова

Придя в себя, первым делом я почувствовала жгучий холод и дикую боль в затылке. Шапки на голове не оказалось, а в рану, по ощущению, будто острые куски стекла насыпали. Спина опиралась на что-то шершавое и местами колючее, пахнущее хвоей.

С трудом разлепила покрытые инеем ресницы и открыла глаза, чтобы тотчас ужаснуться: мир буквально тонул в темной жуткой ночи, начиналась метель. Колкие снежинки, что то и дело, будто зло насмехаясь, приносил зимний ветер, больно впивались в кожу.

Ну уж нет! Я жить хочу!

Попыталась шевельнуться и только тут поняла, насколько сильно попала. Меня привязали к старой сосне; веревки впились в запястья, оплели талию и ноги, приковав к толстому стволу. Дернулась, надеясь высвободить хотя бы руку, но все напрасно: узлы оказались крепкими, веревка при каждом движении причиняла боль. Еще одной неприятностью стали замерзшие ноги — сапоги успели промокнуть, пока я приходила в себя.

Но гораздо хуже физической боли терзала меня подкатившая к горлу горечь, безудержно хотелось плакать. Никогда не думала, что родные сестры так поступят со мной, закрывала глаза на наши вечные ссоры и их завистливые взгляды, а оно вон как все обернулось — не остановились они, перешли черту. Мне стоило сразу задуматься, что будет дальше, когда встал вопрос с наследством, — все их разговоры были лишь о том, что его надо делить, и как это несправедливо, что дом отец оставил мне, старшей дочери. Но я по наивности считала, что за этими словами вряд ли стоит что-то большее.

И как я раньше не поняла, что ничего со смертью родителей в наших отношениях не изменится, станет лишь хуже, не захотела увидеть правду? Они не желают делиться со мной наследством. Им нужен добротный родительский дом, приданое побогаче, женихи получше. Потому-то и выследили меня в лесу, верно рассчитав ловушку из случайно поваленных деревьев и подкараулив в наступающих сумерках. В такое время в лесной глуши никто не увидит, как они меня ударили, как уволокли в лес и оставили замерзать.

Я прикусила губу, силясь на расплакаться, как бы этого ни хотелось. Да, меня предали родные сестры. Да, несправедливо. Но слезы сейчас ничем не помогут, только украдут последние силы. А мне хочется жить.

О боги, как же я хочу жить!

Зажмурившись, откинула голову на промерзший ствол, впиваясь взглядом в небо, откуда летел снег.

NEVESTA DLYA SNEZHNOGO VOLKA

— Боги! — прошептала, и голос мой сорвался в хрип. — Если вы есть... Если вы меня слышите, помогите! Откликнитесь!

На кого еще надеяться? На случайного путника в такую метель? На себя, что не в силах вырваться из пут? Только на богов.

И тем не менее, шепча мольбы, я не сдавалась, снова и снова пыталась добраться до веревок, которые обдирали кожу до крови, но увы, это оказалось бесполезным занятием. А метель набирала силу, выла на все лады, превращая лес в размытое полотно. Скоро белого света не видно будет, и я навсегда останусь среди занесенных снегом деревьев.

К горлу подкатило невероятное отчаяние. Я собрала остатки сил и крикнула в завывающий ветер, вкладывая всю последнюю надежду:

— Ну хоть кто-нибудь! Откликнитесь!

Но в ответ лишь еще злее завывала буря, и мои слова утонули в ней.

Ильгар Белый

Тяжелая дверь древнего храма с глухим стуком медленно закрылась за мной, оставив снаружи начавшуюся метель и непроглядную ночь, но увы, не ту беду, с которой пришел сюда. Как нам, снежным волкам, сражаться с этим врагом? Проклятый мороз стелется за нами по пятам, куда бы мы ни ушли, и безжалостно забирает жизни. Как с ним справиться?